

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Ф84

Переводчик ЛЕВ КАЦ (первая часть, главы 1–7),
ТАТЬЯНА БЫСТРОВА

Франча М. Ди

Ф84 Женщина, которая жила у моря : [роман] / Марозелла Ди Франча,
Даниэла Мастрочинкве ; Пер. с ит. — М. : Альпина Паблишер, 2024. —
423 с.

ISBN 978-5-9614-8693-3

Сицилия, 1904 год. Накануне помолвки юная свободолюбивая Костанца узнает, что ее отец покончил жизнь самоубийством. Помолвка разорвана, и родные отправляют сломленную горем девушку в Нью-Йорк — город, куда переезжают многие итальянцы в поисках лучшей доли. Она селится у дальних родственников и начинает жизнь с нуля, переживая болезненную тоску по дому. Лишь перебравшись в Неаполь, Костанца снова обретает способность дышать и любить. Сто с лишним лет спустя ее правнучка, оперная певица Лучилла, случайно узнаёт о судьбе прабабушки и предпринимает попытку отыскать ее следы. Эта история наполнена грозной музыкой волн и ароматами прибрежных городов. Здесь радости и трагедии героини переплетаются с историческими событиями. Но какие бы штормы ни приготовила ей судьба, вечное синее море «где родится и умирает солнце», утешает и дарит покой.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-8693-3 (рус.)
ISBN 978-8-8099-6716-8 (итал.)

© 2023 by Giunti Editore S.p.A., Firenze-Milano
www.giunti.it
© Издание на русском языке, перевод,
оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2024

Нашим любимым сестрам Аннализе и Марилиане

У моря нет родины, и оно принадлежит всем, кто захочет
прислушаться к нему, с одного края до другого, где родится
и умирает солнце*.

Джованни Верга. Семья Малаволя

* Пер. Анны Бонди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мессина

Жители Мессины знали, что эту бурю, разразившуюся над городом в ночь с 27 на 28 августа 1904 года, они запомнят на всю жизнь.

В ту субботу из-за удушающей жары на набережной было полно народа. Люди всех возрастов старались как можно дольше не возвращаться домой и, чтобы хоть немного освежиться, до позднего вечера прогуливались неспешным шагом под полной луной, почти скрытой за облаками.

— Посмотрите туда! Над морем смерч!

Одни ничего не замечали и продолжали прогулку, другие посчитали это просто дымовым облаком. Кто-то предположил, что это гроза, бушующая над континентом, по ту сторону Мессинского пролива. Трудно было понять в опустившейся тьме.

Тем временем темная масса на фоне серого неба становилась все более отчетливой и уверенно двигалась в сторону береговой линии, пока, наконец, вспышки молнии и мощные раскаты грома не развеяли последние сомнения. Люди бросились врассыпную, а матросы, появившиеся из ниоткуда, пробирались сквозь толпу к причалам, чтобы закрепить швартовы. Буря быстро приближалась к молу.

— Кровавый дождь, кровавый дождь! — воскликнула какая-то старуха, и женщины вокруг стали повторять ее слова, осеняя себя крестным знамением.

— Святая Барбаредда*, защити нас!

— Что за чушь! — успокаивали их мужчины, одной рукой прижимая шляпы, а второй крепко держа жен под руку. — Этот ваш кровавый дождь — не страшнее минутного дождика в пустыне.

Они старались сохранять невозмутимость, но все же оборачивались и бросали тревожные взгляды на набережную, где под порывами ветра брызги накрывали даже статую Нептуна. Больше всего мужчины опасались, как бы не повторилась буря, опустошившая Галати прошлой зимой. «Все хорошо, все нормально. Бояться нечего», — говорили они, подталкивая жен к дому.

Промокший до нитки и запыхавшийся от быстрой ходьбы, Руджеро наконец добрался до своего дома, одного из первых в Палаццате. «Должно быть, — подумал он, встряхивая темной мокрой шевелюрой, — уже далеко за полночь». Он потерял счет времени, целуясь под аркой с молоденькой портнихой, и теперь ждал хорошей трепки от родителей (если они, конечно, не спят) за то, что поздно вернулся в такую грозу, будто в этом была его вина. Ему не хотелось лезть мокрой рукой в жилетный карман, чтобы достать часы, да и какой в этом толк? Руджеро на цыпочках поднялся по лестнице и, стараясь не шуметь, вставил ключ в замочную скважину. У двери он снял промокшие насквозь ботинки. «Вот черт!» — пробормотал он, заметив свет в кабинете отца. Должно быть, тот все еще работает или просто ждет его.

* Форма имени Барбара (Варвара). Святая Варвара — защитница от внезапной и насильственной смерти. — *Прим. ред.*

Надеясь остаться незамеченным, Руджеро на цыпочках прошел в свою комнату в конце коридора. Там он сбросил промокшую одежду и завалился на кровать. Он все еще ощущал запах девушки на своей коже, а рука помнила, как сжимала полную грудь под мокрым платьем. Розина — так она представилась — испугалась грозы и сбежала в самый неподходящий момент. «Эх, если бы не эта гроза», — думал Руджеро, воображая, что могло бы произойти дальше. Он достал французский журнал, спрятанный под кроватью среди учебников по юриспруденции, и забрался под одеяло. Вдруг раздался такой удар грома, словно молния ударила в двух шагах от дома.

Через мгновение в дверях появился Гульельмо в обнимку с подушкой почти такой же величины, как и он сам. Светлые кудряшки малыша были взъерошены, а пижамные штанишки, как всегда, сползали.

— Что ты здесь делаешь? А ну брысь отсюда!

— Я не могу заснуть.

Руджеро выругался и спрятал журнал под матрас. Затем, смягчившись, подвинулся, освобождая место для брата.

— Ладно, мелюзга, запрыгивай!

Гульельмо не мешкая пристроился рядом и свернулся калачиком. Комнату озарила очередная вспышка молнии. Они молча ждали раскатов грома.

— Думаешь, Колапеше* сможет удержать остров в такую грозу?

* Колапеше — человек-рыба, герой легенды, согласно которой он поддерживает три колонны, на которых покоится Сицилия. — *Прим. пер.*

— Кто-кто? О чем это ты?

— Ну, Колапеше. Мне Костанца рассказывала. Он держит наш остров!

— Это же сказка, глупыш!

Гульельмо замолчал и задумался.

— Но Коко...

— Почему бы нам не называть ее Костанца? Она уже не девочка.

— Ладно. Костанца теперь уедет от нас, раз она выходит замуж?

Руджеро нашарил на тумбочке спички и сигареты, поправил подушку, приподнялся и прикурил.

— Да, но не прямо сейчас. Может, через пару месяцев. А теперь спи.

Руджеро сделал пару затяжек. Он совсем забыл, что завтра помолвка Костанцы. Должно быть, из-за этого никто не заметил, как поздно он вернулся домой.

— Слава Богу, дождь прекратился!

Сквозь стеклянную дверь балкона Агата вглядывалась во все еще бурное море и небо цвета покровов Пресвятой Богородицы, как говаривала ее бабушка.

Агата вышла на балкон и содрогнулась под порывами ветра, которые проникали под легкую дамастовую накидку, наброшенную поверх ночной рубашки. Но, по крайней мере, этот ветер разогнал последние тучи и унес удушливый воздух вчерашнего дня. Это северный ветер или сирокко? Агата вечно их путала, хотя Доменико много раз объяснял, в чем разница. Буря оставила следы по всему побережью: над рыбным прилавком дона Гаэтано сорвало

тент, а проспект Витторио Эмануэле превратился в сплошной ковер из сломанных веток, листьев, досок и мусора, которые плавали в лужах и загромождали трамвайные пути. Взглянув в сторону порта и чугунного здания рынка, Агата увидела, что туда свозят выкатившиеся на улицу бочки, каким-то чудом оставшиеся целыми. «Пресвятая Богородица!» — тяжело вздохнула она, будто ей собственными руками придется приводить все в порядок и устранять разрушительные последствия бури. Агата провела беспокойную ночь из-за ветра и проливного дождя, бивших в ставни, грохочущего, точно канонада, грома и мыслей о Руджеро, который в такую погоду был на улице! Наконец, услышав, что он пришел, она поблагодарила Деву Марию и провалилась в сон, не в силах отчитать сына.

Доменико в постели не было: наверняка он заснул на диване у себя в кабинете. Он поцеловал жену на ночь и сказал: «Я дождусь Руджеро и приду к тебе». Но вместо этого снова засиделся допоздна, изучая очередной трудный случай какого-то пациента. «Вечно он так. Совсем не заботится о своем здоровье», — думала Агата, умывая лицо в тазу.

Она надела халат, села перед туалетным столиком и тщательно причесала медно-рыжие волосы, чуть тронутые сединой. Что ни говори, а Костанце от нее достались светлая кожа и волосы, а от отца — широко расставленные, как у всех Андалоро, глаза и большие пухлые губы, придававшие ей несколько своенравный вид. Но это впечатление можно смягчить, если слегка припудрить лицо. Агата знала, каким хмурым и безжалостным бывает взгляд све-крови, а ведь у Костанцы она вот-вот появится. Надо бы напомнить ей, чтобы поменьше жестикулировала и тише

смеялась, когда придут гости на помолвку. Как же ей будет не хватать веселого смеха дочери!

Любезная и улыбчивая невестка — вот что нравится всякой свекрови. А уж этой свекрови и подавно. Кузина Иммаколата, которая все обо всех знала, сказала, что где-то слышала, будто в своей семье Мария Орландо прямо как мать настоятельница. Поладит ли она с Костанцей, которая все хочет делать по-своему? Агата собрала волосы в высокий пучок и закрепила локоны костяными шпильками. Только бы Костанца не вздумала заговорить о футболе и о том, как познакомилась с Альфонсо. Не дай Бог, свекровь узнает, что Костанца бывает на стадионе. Ох уж этот проклятый английский футбол! Доменико следовало бы запретить девочке ходить на футбольное поле, где столько иностранных игроков. Агата боялась, что дочь приведет в семью какого-нибудь англичанина или немца. Но отец и тогда бы пальцем не пошевелил, так же как ни слова не сказал о помолвке с Альфонсо, хотя заметно, что он не очень-то доволен. У Альфонсо все еще не было профессии, его содержал отец, а Доменико такое не одобрял. По его мнению, молодые люди должны брать на себя ответственность и самостоятельно зарабатывать на жизнь. Но, как бы то ни было, он предоставил дочери свободу выбора. Тем лучше. Альфонсо казался Агате хорошим, воспитанным парнем, к тому же он из приличной семьи. А это кое-что значит.

Агате все еще не верилось, что Костанца, ее малышка Коко, помолвлена и совсем скоро выйдет замуж. Ведь она еще такая юная! Для нее дочь навсегда останется малышкой Коко, но уже сегодня состоится помолвка, а там и свадьба не за горами. Нужно напомнить Доменико, чтобы

не называл ее Коко в присутствии жениха и его родителей. Костанце больше не нравится это прозвище, но отец любит поддразнивать дочь и невозмутимо продолжает свою игру. Кто знает, может, это из-за того, что он отказывается признавать: его дочурка стала взрослой.

Агата закрасила коричневым карандашом два-три седых волоска и, нанося на лицо и шею крем из розовой воды и глицерина, напомнила себе, что настало время для разговора о браке и обязанностях невесты. Да еще эта досадная ситуация с «женскими салфетками». Костанца обнаружила их в сундуке с приданым, когда его открыли, чтобы достать вещи, которые будут показывать на празднике, и спросила мать, зачем они нужны. Агата покраснела и пробормотала расплывчатое «Ты поймешь, они есть у каждой невесты». Она вздохнула. Предстоящий разговор смущал ее, она даже не знала, с чего начать. Ее покойная мать в свое время была избавлена от этих мучений, и к алтарю Агата пошла в полном неведении. Она вспомнила свою первую брачную ночь и улыбнулась. В последний раз оглядев себя в зеркале, Агата встала. Голова ее была забита многочисленными заботами. Одной бутылки ликера для женщин будет маловато, надо сказать кучеру, чтобы попросил еще две у золовки Джеммы, когда поедет за ней. Не все любят мандариновый ликер, да и какао тоже, хотя Агата не понимала, как можно устоять перед шоколадом из Модики. Погода обещает быть прохладной: уместно ли предложить гостям спумони*? Может, надо было заказать лимонную

* Десерт из нескольких слоев мороженого разных вкусов и цветов, иногда с орехами и цукатами. — *Прим. пер.*

и шоколадную пиньолату*, как предлагала тетя Джустина? Но теперь уже поздно, все распоряжения отданы.

Агата открыла ящик комода, чтобы достать список оставшихся дел, но тут ее внимание привлек футляр с коралловым ожерельем из Шакки, которое принадлежало ее матери. Она вынула его из коробки. До чего же красива эта подвеска в форме цветка, с капелькой внутри! Агата поднесла ожерелье к груди. Она наденет его вечером. Агата знала, что оно нравится Костанце. Дочь не раз намекала, как хочет получить его в подарок на свадьбу, — она еще не знает, что так и будет. Агата бережно положила украшение обратно в футляр, закрыла ящик и направилась на кухню.

Насыщенный электричеством воздух и грохот грома не помешали Костанце уснуть сладким сном невесты.

Она проснулась раньше обычного, взволнованная и счастливая. Спрыгнув с кровати, босиком побежала открывать ставни. Распахивая окна, она была уверена, что от ненастья, как часто бывает на Сицилии, уже не осталось и следа. И в самом деле, на улице сияло солнце, и даже ярче, чем обычно, словно Мессина хотела сделать ей свадебный подарок.

Теперь ничто не помешает гостям прийти к ней на праздник, и Костанца сможет надеть легкое платье из органзы, которое пару дней назад прислала Анна, портниха. «Жизнь прекрасна», — улыбаясь, подумала Костанца

* Небольшие кусочки теста, обжаренные во фритюре, которые складывают в виде пирамиды. — *Прим. пер.*

и устремила взгляд к горизонту, не обращая внимания на хаос, царивший в порту после шторма.

Костанца обернулась и оглядела свою комнату: белый кленовый комод, письменный стол, где она знала каждую царапину и каждое пятнышко, обои с ласточками, на которых сохранились ее первые рисунки, и почувствовала, что все это стало каким-то далеким, чужим. Мысли ее уже летели навстречу будущему дому и комнатам, которым предстояло принять ее в скором времени.

Костанца не смогла устоять перед соблазном снова надеть праздничное платье. Она уже примеряла его, но до сих пор не была уверена, действительно ли оно хорошо сидит. На ее эскизе платье не такое открытое, ведь она худая, да и грудь невелика, но мама и Анна решили сделать глубокое декольте. «Лето на дворе», — говорили они, стараясь убедить Костанцу, что так будет лучше. Но она ни за что не нацепит эти накладки, которые продают корсетницы, как предлагала портниха!

Костанца быстро скинула ночную рубашку и осторожно, чтобы не помять, надела платье. В целом то, что она увидела в зеркале, выглядело приятно. Сиренево-голубой цвет придавал ее светлой коже и большим голубым глазам особое сияние. Она была высокой стройной девушкой, и платье сидело на ней как влитое. Правда, плечи слишком оголены и ключицы чересчур выступают. Костанца подумала, что можно прикрыть декольте такими же цветами, которые будут в прическе. Длинные волосы медного цвета она заплетет в косу и уложит вокруг головы. Она тут же прикинула, как это будет выглядеть, но результат ей не понравился. Когда она станет замужней женщиной,

то придумает себе более современную прическу и избавится от этой девчоночьей косы. Наконец-то она будет делать то, что считает нужным, и ей не придется отчитываться перед мамой, тетей, братом и кем бы то ни было! Только отец всегда и во всем ее поддерживал. Он говорил, что она уже достаточно взрослая и может сама принимать решения и отвечать за свои поступки. Скорее всего, и на ее замужество он смотрел так же. В последнее время глаза отца часто застилала пелена грусти, которая исчезала, как только он замечал на себе чей-то взгляд. Может, ему не нравится Альфонсо или он переживает из-за того, что дочь скоро покинет дом? Костанце тоже не хотелось с ним расставаться. Только это и омрачало ее счастье. Не будет больше захватывающих приключений, которые устраивал для нее отец. Например, прогулок на лодке воскресным утром, когда он будил ее на рассвете и они тихо выбирались из дома, как двое мальчишек, пока мать не проснулась и не остановила их. Как же им было весело! В этот час море было гладким, как столешница. Отец платил какому-нибудь моряку, чтобы тот прокатил их до самого маяка, а Костанца забавлялась, высываясь из лодки и окуная руки в воду или забрасывая рыболовную сеть. Они приносили маме корзинку кефали, чтобы она не злилась, увидев дочь в мокрой одежде и с обгоревшим на солнце лицом. Приличные синьорины так себя не ведут! Наверное, мать права, и, к сожалению, теперь Костанце придется вести себя, как полагается замужней женщине. Она нахмурилась, но через мгновение, когда она отперла ящик стола и достала дневник, лицо озарила лукавая улыбка. Костанца в который раз прочла заветные слова: «Дорогой дневник, сегодня

мы поцеловались. Это было чудесно. Настоящий поцелуй, вроде тех, о которых Джузеппина рассказывала в школе».

Конечно, у нее бывали и другие поцелуи: легкие касания губ, от которых сердце билось быстрее, но этот — совсем другое дело. Костанца почувствовала себя уязвленной, когда Альфонсо резко отстранился от нее. Ему не понравилось? Может, он разочарован? Ведь она так непринужденно переступила все запреты, забыв материнские наставления о том, как должна вести себя приличная девушка. Она была готова целую вечность стоять, прижавшись к его груди.

Вот о чем думала Костанца. Ей предстояло сделать самый важный шаг в жизни молодой женщины того времени — помолвка, потом замужество и дети. Казалось, судьба ее предрешена, и отчасти она была этому рада. Зная, что ожидает ее в будущем, Костанца чувствовала себя спокойно. Правда, вместе с тем она понимала, что многие ее желания не соответствуют образу жизни замужней женщины. Она восхищалась сестрами Гонценбах, основательницами Женского института, в котором она училась. Они вели необычную жизнь: одна посвятила себя журналистике, а другая, та, что была ближе Костанце, собирала старинные сказки и легенды. «Значит, даже приличная женщина может делать то, что ей нравится, а не ограничиваться домом, мужем и детьми?» — спрашивала себя Костанца. Она не хотела упустить ни одного шанса, который могла предложить ей жизнь.

Костанца записала эти соображения в дневнике, как делала всегда, чтобы упорядочить свои мысли. Ей нравилось возвращаться к событиям прошедшего дня и не только радоваться хорошему, прекрасному и забавному,

но и размышлять об ошибках. Записывая все на бумаге, она могла посмотреть на свою жизнь более трезвым взглядом, словно со стороны. Анализируя совершенно неважные с виду мелочи, она улавливала смысл многих вещей. Это как увидеть что-то новое в человеке, рассматривая его фотографию: ты вдруг замечаешь неприметную ямочку на щеке, циничный взгляд или кривые ноги.

Аккуратно положив дневник на место, под папку с рисунками, Костанца достала с книжной полки партитуру романса, который собиралась спеть на празднике. Взгляд упал на ее любимые книги Жюль Верна, аккуратно расставленные на полке рядом с серией романов для девушек, которые она ни разу не открывала. Жюль Верн раньше принадлежал брату: он отдал ей книги, когда перешел в старшую школу и в книжном шкафу пришлось освободить место для учебников. Костанца буквально проглотила эти книги всего за несколько месяцев. Она заберет их в новый дом вместе со сборником сицилийских народных сказок на немецком языке, составленным Лаурой Гонценбах, — он всегда служил Костанце источником вдохновения для ее рисунков. Как знать, может, совсем скоро она будет читать их своим детям.

Интересно, цветы уже доставили?

Костанца надела туфли и быстро направилась в прихожую. Проходя мимо кабинета отца, она заметила под дверью полосу света. Наверное, он забыл выключить лампу. Но, скорее всего, просто заснул в кабинете, как часто случалось, когда он засиживался до глубокой ночи.

Костанца решила не стучать и тихо открыла дверь: ей хотелось удивить отца праздничным нарядом.

С порога кухни Агата увидела тетю Джустину. Несмотря на свои бо с лишним лет и ночную бурю, та уже вовсю хлопотала в своем привычном фартуке в цветочек — насыпала на мраморный стол горку муки. И откуда у нее столько энергии? Агата бодро поприветствовала ее.

— Доброе утро, доброе утро. Наконец-то ты встала! — отозвалась Джустина. — Лед привезли!

— Боже мой, лед!

— Слава Богу, я велела Кармелине зайти к торговцу рыбой и заказать лед.

Тетя Джустина с глубоким вздохом закатила глаза, продолжая замешивать тесто костлявыми, узловатыми руками. Агата, ее племянница, — хорошая женщина, она обожает мужа и детей, но, как и ее покойная мать, совершенно непрактична, не умеет вести хозяйство и уж тем более управлять прислугой. Потому-то в этой семье каждый делает все, что ему вздумается. Прачка приносит белье, когда ей заблагорассудится; кучера вечно приходится разыскивать в порту, если нужно куда-то ехать. А Кармелина, эта худосочная килька, — просто нахалка! И как только Доменико взбрело в голову нанять горничную-неаполитанку, бестолковую недотепу, которая еще и делает вид, будто знает о стряпне все на свете? Уйма времени понадобилась, чтобы научить ее несколькими сицилийским рецептам! К счастью, тетя всегда любила готовить, но ей не под силу в одиночку организовать такой большой прием!

— Агата, надо поторапливаться, — сказала тетя, почесывая глаз тыльной стороной ладони. — Я делаю тесто для канноли. Их нужно штук 50, не меньше.

— Не меньше? А сколько же у нас гостей? — Агата достала из кармана список гостей и быстро просмотрела его. — Надеюсь, Антонино не явится вместе с Джеммой, а то они опять сцепятся с Доменико. Он не хотел его видеть, но, тетя, разве можно не пригласить старшего брата, да к тому же священника, если будет Джемма?

— А что с аранчини?

— Я сама ими займусь. Хорошо хоть, с рагу мы вчера управились.

— Если бы ее высочество Кармелина соблаговолила хотя бы протереть рикотту...

— Кофе только сварился, сами тогда наливайте, — нервно ответила Кармелина. — У меня всего две руки, не знаю, как я вообще на ногах держусь, после такой-то ночи!

— Кармелина, принеси, пожалуйста, банку с топленым салом! Нужно еще цукаты нарезать. Может, ты, Агата...

— Минутку, тетя. Дайте мне отдышаться! Разве вы не видите, что я до сих пор в халате? — сказала Агата, доставая из буфета чашки и блюдца для завтрака. — Сейчас мы со всем разберемся. Кармелина, я выпью кофе с господином Андалоро в его кабинете. Отнеси туда поднос с...

Внезапный громкий крик эхом прокатился по всему дому. Потом наступила еще более зловещая тишина.

Три женщины окаменели от страха перед свалившейся на них неизвестной бедой, которую они инстинктивно отказывались признавать. Но уже через мгновение они выбежали из кухни и столкнулись в коридоре с Руджеро; с лицом, покрытым мыльной пеной, он так спешил, что едва не сбил женщин с ног. Он первым вошел в кабинет,

дверь которого была распахнута настежь. Еще до того, как он увидел сестру, лежащую без сознания на полу, в нос ударил непривычный запах серы. Отец распростерся на столе, лицом вниз; его голова утопала в луже крови, а безжизненная рука вытянута была по направлению к пистолету.

Руджеро почувствовал, что его сейчас вырвет. Все поплыло перед глазами. Дождавшись, пока восстановится дыхание, он глубоко вдохнул и резко развернулся, чтобы помешать женщинам войти. Но те уже стояли позади него.

Изумленные взгляды, потрясенные лица, крики отчаяния... Руджеро охватила паника, он задышался и не мог вымолвить ни слова. Сердца всех, кто был в кабинете, разрывались от невыносимой боли. Внезапно они столкнулись с тем, что и представить не могли. В одно мгновение в голове каждого пронеслись тысячи мыслей. И прежде всего одна: почему?

— Надо унести отсюда Костанцу! — крикнула тетя Джустина. — Руджеро, перенеси ее в комнату! Кармелина, дай нюхательную соль!

— Пресвятая Дева! — Кармелина перекрестилась и, содрогаясь от рыданий, вышла из комнаты. Но тут же вернулась назад.

— Священник! Я пойду за священником!

— Какой еще священник?! Лучше займись Гульельмо, ни в коем случае не пускай его сюда, а лучше отведи наверх, к синьорине Эльзе. Только никому ни слова! *Никому*. Ты поняла?

Агата неподвижно стояла в углу, будто парализованная. Она наблюдала, как другие плачут, суетятся, и ей

казалось, что они где-то далеко-далеко. Это Руджеро прибежал в кабинет с бледным лицом, наполовину покрытым мыльной пеной? И почему он кричит: «Она не может говорить, не может говорить!»? *Кто* не может говорить? Зачем тетя Джустина усадила его на стул и встала рядом, как будто пытается удержать? И почему она испачкала чем-то красным его новую пижаму, которую Агата подарила сыну на день рождения?

— Что значит «не может говорить», Руджеро? — спрашивала тетя Джустина.

— Костанца, ее всю трясет, она не может выговорить ни слова. Как ни старается, у нее выходят только какие-то странные звуки.

Не в силах усадить на месте, Руджеро вскочил со стула.

— Что делать?! Позвать врача, дать ей успокоительное? Боже, что происходит? — Он в отчаянии обхватил голову руками. И, наконец, разразился безудержными рыданиями.

— Агата, ради всего святого, шевелись же! Иди к Костанце! — крикнула Джустина, тряся племянницу за плечи.

Агата машинально повиновалась. Она нашла дочь на пороге комнаты: с искаженным от ужаса лицом она стояла, прижав руки к горлу. Агата моментально вернулась к реальности.

— Успокойся, доченька! Сейчас вызовем врача. Доктор Санторо поможет нам. Он ведь так привязан к Доменико и любит нашу семью. Он обо всем позаботится, может, отец еще жив и доктор спасет его.

Обнимая и поглаживая дочь, Агата заметила, что на ней надето праздничное платье.

Руджеро, все еще сотрясаясь от рыданий, спустился к привратнику и велел срочно отнести записку доктору Санторо. Вернувшись в кабинет, он оторопел: тетя Джустина одна стояла у трупa с тряпкой в руке. Что она делает?

Они переглянулись. Тетя Джустина бросила тряпку в ведро с водой, сразу окрасившейся в красный цвет, и вытерла руки о домашнее платье, словно они были испачканы мукой, а затем осторожно взяла со стола пистолет.

— Сделай так, чтобы он исчез с лица земли, — сказала она. — *Никто ничего не должен знать.* Нам не нужен скандал.

Руджеро взял оружие: оно было холодным. Держа пистолет в руках, он с отвращением разглядывал его.

— Но полиция... мы не можем... — пробормотал он.

— Никакая полиция не придет, если мы будем держать язык за зубами. — Тетя посмотрела ему прямо в глаза, совсем как в детстве, когда заставляла сознаться в какой-нибудь шалости. — А врач... Я сама с ним поговорю. Он поможет нам, ведь он друг семьи. Он сделает это ради нас. Ты слишком потрясен, так что предоставь это мне. У Доменико было кровоизлияние в мозг. Запомни: кровоизлияние в мозг. Вот что доктор должен написать в свидетельстве о смерти.

— Но мама, Кармелина...

— После поговорим. Сейчас нельзя терять времени, — она достала из ведра тряпку и продолжила вытирать кровь.

Руджеро стоял неподвижно и смотрел на нее.

— Мальчик мой, делай, как я сказала. Спрячь эту штуковину где-нибудь. Скоро придет врач, а за ним остальные. Поднимется шум. Хочешь, чтобы тело не приняли в церкви? Так оно и будет, если не сделать, как я сказала.

Руджеро покачал головой.

— Я не понимаю, тетя. Почему, почему он это сделал?

Тогда Джустина достала из кармана телеграмму, которую нашла на полу рядом с телом, и протянула Руджеро.

Нью-Йорк, 15:00

*Прогноз неблагоприятный. Пациент обречен
на мучительную смерть. Желаю ему быстрой
кончины, чтобы избежать страданий.*

Микеле

Руджеро все вертел и вертел в руках желтую бумажку. Слова плясали у него перед глазами, и он не мог уловить их смысл.

Альфонсо Орландо ухаживал за Костанцей всю зиму, с тех пор как они познакомились в одно необычайно знойное ноябрьское воскресенье.

В порту, на стадионе «Райнери», проходил товарищеский футбольный матч между университетской командой и английскими моряками. Руджеро играл за студентов в полузащите. Матч уже закончился, а Костанца, растрепанная и взбудораженная, не обращая внимания на косу, совсем распустившуюся, пока она с волнением следила за игрой, размахивала шляпкой, подпрыгивая, в надежде, что Руджеро разглядит ее в толпе зрителей. Внезапно она увидела, как брат подходит к ней вместе с высоким темноволосым парнем с робкой улыбкой и раскрасневшимся от игры лицом.

— Альфонсо Орландо, мой товарищ по университету и этому злосчастному матчу, — представил его Руджеро.

Неуклюже поправляя мешок с футбольной экипировкой, Альфонсо протянул Костанце левую руку и, потрясенный медно-рыжей копной ее волос, не нашел ничего лучше, чем, заикаясь, пробормотать:

— Неужели вы брат и сестра? Ведь вы совсем не похожи.

— Ага, у Костанцы усов нет.

Девушка расхохоталась и, взяв брата под руку, чтобы идти домой, без тени смущения принялась комментировать матч.

— Жаль, что вы проиграли. Но есть одна вещь, которая вас утешит. Сейчас расскажу, — сказала она, без всякого

кокетства улыбаясь шагавшему рядом Альфонсо. Как оказалось, Костанца сидела совсем рядом с двумя известными фигурами из футбольного клуба «Мессина» — менеджером Хьюлиттом* и секретарем Оутсом, которые тоже пришли посмотреть на игру.

— Серьезно?! Там были Хьюлитт и Оутс?

— Да, говорю же вам!

— Видишь, Альфонсо, а ты не верил, что они придут. Конечно, они пришли посмотреть на тебя. Уверен, тебя возьмут в команду.

— А как ты оказалась среди англичан? — спросил Руджеро сестру.

— Да какая разница! — нетерпеливо выдохнула Костанца. — Просто оттуда лучше видно.

Но главное не это: Костанца своими ушами слышала, как Хьюлитт хвалил их команду. Он говорил Оутсу и Сандерсону, что студенты играют совсем неплохо и у некоторых есть большой потенциал.

— А *very good team!*** — воскликнула Костанца в нос, изображая Хьюлитта, и сама же рассмеялась.

За все это время Альфонсо не вымолвил ни слова. Он слушал, как Костанца рассказывает о разговоре тренера «Мессины» и Оутса, но не понимал ни слова. Все его внимание было приковано к чувственным движениям ее рта с мягкой, слегка выступающей верхней губой, которая придавала девушке немного дерзкий вид... Альфонсо

* Чарльз Бусфилд Хьюлитт (1863–1908) — один из первых игроков и менеджеров футбольного клуба «Мессина». Погиб при Мессинском землетрясении. — *Прим. ред.*

** Очень хорошая команда! (англ.)